

Таким образом, актуализация авторского мира писателя в критическом тексте чаще всего является ее основным центром, вокруг которого формируются все компоненты, создается «целостный контекст всей культуры данной эпохи» [9, 502].

Перспективы изучения связаны с интерпретацией и рецепцией временного аспекта критического текста в контексте парадигм различных эпох.

Источники и литература:

1. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1979-1986. – Т. 62.
2. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979.
3. Муромский В. П. К современному спорам о разграничении критики и литературоведения / В. П. Муромский // Вестник ЛГУ. – 1985. – № 16.
4. Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика / Н. И. Надеждин. – М., 1972.
5. Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве / В. Ф. Одоевский. – М., 1982.
6. Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1873 г. / Н. К. Михайловский // Отечественные записки. – 1873. – № 1-3.
7. Добролюбов Н. А. Собр. соч. : в 8 т. / Н. А. Добролюбов. – М., Л., 1963.
8. Михайловский Н. К. Записки современника / Н. К. Михайловский // Отечественные записки. – 1881. – № 2-4.
9. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986.

Резник О.В., Стесин А.С.

УДК 821.111(73) – 03.09

ЭМИГРАНТСКИЙ КОНТЕКСТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ТВОРЧЕСТВЕ СОЛА БЕЛЛОУ

Постановка научной проблемы. Изменившиеся социальные и исторические условия, катастрофическая смена жизненных условий приводили к различным трансформациям в мировоззрении эмигрантов и их детей. Это вело к комплексному обновлению социальных ролей, новому ощущению своего диалога с культурой той страны, которая становилась родной. В этом отношении несомненный интерес представляет позиция героев рассказа «Серебряное блюдо» Сола Беллоу (настоящее имя Соломон Беллоуз, 1915-2005 гг.), современного американского автора. Этот аспект не был предметом специального исследования ни отечественной эмиграции, ни зарубежного литературоведения.

Анализ последних исследований и публикаций. Критик и первый публикатор Беллоу Филипп Рав писал о романе «Герцог»: «Беллоу проявил себя не только самым интеллектуальным романистом своего поколения, но и писателем, наиболее последовательно анализирующим тему корней и эволюции» [4]. Именно эта тема – корни и эволюция поколения постэмигрантов – находится в центре рассказа «Серебряное блюдо». Актуальность выбранного нами ракурса исследования косвенно подтверждается и словами С. Мансона: «За этими словами таится вопрос без ответа – вопрос ассимиляции, одна из самых плодотворных тем в еврейской литературе, не только американской и не только современной». [5]

В то же время исследования последних лет сосредоточены вокруг крупных жанров писателя (Е.А. Механикова (2010), Д. Эпстайн, М. Эндель (2011), и др.), а рассказ рассматривается либо как нечто второстепенное, либо как недо-роман (Мария Эндель: «Отсюда и избранная форма – очень длинный рассказ, а скорее даже предельно сжатый роман, роман о псевдо-родственниках, с элементами сугубо газетной криминальной хроники. Его истории – это не зеркало реальности, а ее макет; именно в этих рассказах реальность достигает своей предельной концентрации» [6]). **Цель данной статьи:** на примере рассказа «Серебряное блюдо» проследить переход внешнего диалога культур во внутренний, отметить ставший актуальным в критических условиях глобализации способ сохранения личности в условиях американской инкультурации.

Автор рецензии на сборник рассказов с одноименным названием А. Комнин отметил: «Беллоу – городской человек, и проза его городская. Мозаика характеров, скандинавско-славянско-еврейская смесь укладов, привычек, семейных скандалов, брачных недоразумений, религиозных «приколов» (именно так), пресловутых поисков смысла жизни, рождений, болезней и смертей» [3]. Мария Эндель: «Все эти истории суть воспоминания о семье и родственниках, в которых реальные биографические факты настолько искусно переплетаются с вымыслом» [6]. И действительно: мир Беллоу как бы состоит из мира города и мира семьи.

Останемся на картине реальности, представленной автором в «Серебряном блюде». В центре рассказа – сосуществование в Южном Чикаго различных культур и вер: «Вдоль Дивижен-стрит, чуть не под каждым фонарем, надрывались ораторы: анархисты, социалисты, сталинисты, поборники единого земельного обложения, сионисты, толстовцы, вегетарианцы, священники-фундаменталисты – кого тут только не было. И у каждого свои жалобы, упования, пути к новой жизни или к спасению, протесты. Кто мог подумать, что собранные вместе претензии всех времен, пересаженные на американскую почву, расцветут тут таким пышным цветом?» [1, с. 21] «...Южного Чикаго в разгаре осени со всеми его хорватами, украинцами, греками, поляками и неграми постепеннее, которые тянулись в свои церкви – кто слушать мессу, кто петь псалмы» [1, с. 17] Однако в самом начале это же единство подвергается не просто сомнению – оно мнимое, поверхностное, ибо эта пестрая картина полна внутренних противоречий: «Теперь

нам ясно, что человечество везде и повсюду бьется во вселенского масштаба предсмертных корчах» [1, с. 4]. Основанием для сходства Беллоу, таким образом, считает телесные страдания и духовную жажду, поиск себя и поиск веры, проявившиеся в полной мере на американской «почве». Каждый идет своим, параллельным путем, что находит отражение в композиции новеллы.

Пространственно-временной континуум рассказа противоречит идее общности культур, которую провозглашает американская публицистика. Отметим, что диалог не получается и на социально-бытовом уровне: «Объединить враждующие кланы: маму-выкрестку, сестер-фундаменталисток, папу, читавшего газету, пока не отказали глаза, исключительно на идиш, Галину, истовую католичку, – не было никакой возможности» [1, с. 21]. В противовес разобщенному миру Беллоу создает новый для постэмигрантской литературы тип героя: в целом, у него лично, все хорошо.

Рассказ строится как повествование о некоем предпринимателе Вуди (полное имя – Вудро), сыне эмигрантов, который достиг материального благополучия, прожил стабильную жизнь и похоронил как положено отца, оставившего давно их семью, но не оставившего сына. Образованность главного героя – «колоритного и энергичного, своеобразного», по авторской характеристике – заключается не столько в формальном, сколько в неформальном образовании и самообразовании. Он читает умные книги, прослушал ряд лекций по экологии, криминалистике и экзистенциализму. Был в Киото, Стамбуле, Иерусалиме, Дельфах: «Он был еврей по рождению и по обличью, с кое-какими черточками не то ирокеза, не то чероки...» Уже в этой цитате легко читается примирительная функция персонажа: объединить в себе древнейшие восточную и западную культуры, дух свободы и самопознания. Однако автор заостряет внимание на следующей детали: Вуди облачился в вывезенный из Японии костюм борца дзюдо (курсив наш – О.Р., А.С.) и решил разобраться в себе. Именно так – воинственно, а не медитативно – он пытается решить основное противоречие, преодолеть отсутствие диалога внешнего диалогом внутренним. В качестве стержневого понятия выступает память рассказчика, подчеркивается субъективизм изображаемого. Личность создает свой особый мир из воспоминаний, из обрывков истории – личной и государственной, возводя субъективные переживания в ранг глобальных оценок. Приближаясь по типу художественного сознания то к реализму, то к экзистенциализму, Беллоу апеллирует в первую очередь к американскому читателю, носителю определенной культуры, разделявшему точку зрения героя на американские исторические процессы и идеалы.

В семье Вуди отношения между отцом и матерью лишены диалогической составляющей, скорее, это перевернутые антиподы. Мать – поступающая, как принято (у христиан), но живущая обманом и лицемерием. Отец – поступающий не так, как принято (мог украсть или обмануть), но твердо придерживающийся своих принципов. Главный герой объясняет это тем, что Моррис получил воспитание на ливерпульских улицах, а мать Вуди и ее сестра родились в Англии. Отец стал американцем, но Америка об этом никогда не узнала. Исследователи эмиграции как явления мировой культуры, в частности, Эдвард Сайд понимают эмиграцию, с одной стороны, как действительное актуализированное состояние изгнания, ссылки; а с другой стороны, в более широком смысле, как метафорическое состояние жизни вне привилегий, соблазнов и влияния определенной культуры (Said 2000, 373). В такой трактовке отец Вуди был настоящим эмигрантом, а его сын изображен автором как памятник в честь победы американского материализма.

В то же время внешне состоявшийся герой не может служить примером преодоления культурных разногласий. Данное обстоятельство подчеркивается и неоднократным употреблением слова «один», и авторской ремаркой: «Мир таил в себе неисчерпаемые запасы одиночества» [1, с. 21], и отсутствием детей, т.е. продолжения: «Весь остаток недели Вуди был занят сверх головы: на нем висела уйма дел, обязанностей по работе, семейных обязанностей. Он жил один, и жена его и любовница тоже жили одни, все по своим квартирам. (...) Ну а вечер пятницы он всегда проводил с Хелен, своей фактической женой. По субботам делал закупки на неделю. А субботний вечер проводил с мамой и сестрами. (...) Ну а проняло его в воскресенье, когда колокольни всех церквей: украинской униатской, римской католической, православной (как греческой, так и русской), африканской методистской – зазвонили одна за другой» [1, с. 21]. «Проняло» его потому, что привычный круг, привычный бег по кругу был нарушен смертью отца. И преодолеть хаос герой хочет физическими занятиями, бегом, т.е. одна беговая дорожка замещает другую.

Как отмечалось критикой, Беллоу, чей стиль складывается в условиях американской инкультурации, тяготеет к экзистенциальному типу сознания. Это объясняется не только стремлением к подражанию западным образцам, но и сходством мировоззренческих оснований с экзистенциальной философией. Запах молока – грудного молока девицы, у которой был младенец, но не было мужа и изучение греческого по Новому Завету, это не только символ опрошения, опошления христианских святынь, но и психологический акцент на мировоззрении так и не повзрослевшего героя. Личность отца-еврея становится аккумуляционным и рефлексивным центром наррации. Герой становился евреем именно тогда, когда рядом с ним был папка. Осмысление прошлого в рассказе связано с личностным отношением Вуди к бытийной вертикали, социуму, отцу, вере и внутренней рефлексией. В центре повествования стоит ситуация столкновения неординарной личности отца с окружающим миром. Композиция не линейна, она все время ретардируется лирическими отступлениями. Конкретно-повествовательные эпизоды – повествование о конкретных событиях, поступках – перемежаются на композиционном уровне с психологическими, символическими (например, папа с его запятнанной репутацией сводил пятна с чужой одежды, разговор с благотворительницей происходит на фоне витража, изображающего встречу Иисуса с самаритянкой). Последние оттеняют и уточняют значимость примера отца для героя, корректируют восприятие данного образа читателем.

Именно это подметил в своей рецензии А. Комнин: «Моралистика и мессианские идеи полностью отсутствуют, национальная экзотика присутствует ровно настолько, насколько автор не способен выскочить из собственной кожи. И изрядная длина его коротких рассказов – лишь подтверждение простого факта: индивидуальности неповторимы, зато судьбы повторимы и предсказуемы. Из столкновения неповторимости и повторяемости рождается проза жизни – еврейской, американской, русской и какой угодно другой»[3].

Возможно, в ряде образов автор использует еврейскую атрибутику, понимание которой придает рассказу дополнительную глубину. Такая трактовка вполне возможна, если учитывать происхождение Беллоу и национальную принадлежность изображаемых героев. Так, внешне не мотивированный поступок с кражей блюда (у отца Вуди не было никакого основания думать об отказе в материальной помощи), получает другую, символистскую трактовку «отъятия» того, что никак не может быть в этом месте. Глубину данному эпизоду придает то обстоятельство, что серебряное блюдо может быть рассмотрено как кеара – ритуальное блюдо, используемое во время проведения пасхального седера – ключевого ритуала праздника освобождения евреев от египетского рабства. Такое воровство может быть расценено как попытка спасения символа еврейства из христианского контекста, а далее по тексту – и спасение самого Вуди из христианского окружения. Вынесение понятия «серебряное блюдо» в заголовок рассказа может подчеркивать связь Вуди со своими корнями и проблемы еврейской общины США, которая ассимилируется и забывает о собственном происхождении.

Рассказ «Серебряное блюдо» Сола Беллоу расшатывает привычное для Америки понимание идентичности и культурного господства, понимание места как строгой пространственной локализации. Эта культура, вбирающая в себя, но не объединяющая самые различные традиции, приводит к одиночеству и бесплодности даже самых лучших, самых разумных и удачливых потомков эмигрантов. Беллоу преодолевает узкие национальные и государственные рамки, свидетельствует о сложном противодействии в душе потомков эмигрантов восточных и западных традиций, взаимопроницающих в новом геополитическом пространстве.

Источники и литература:

1. Беллоу Сол. Серебряное блюдо : Рассказы / Сол Беллоу; [пер. с англ.]. – М. : АСТ; Текст, 2006. – 254 с.
2. Карамеев С. Памяти Сола Беллоу : [Электронный ресурс] / С. Карамеев. – Режим доступа : <http://www.bellou.net.ru/lib/ar/author/61>
3. Комнин А. Еврейские ковбои в чикагских прериях. Длинный короткий рассказ: родился, женился, умер : [Электронный ресурс] / А. Комнин. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/lit/2006-02-16/4_cowboys.html
4. Лауреаты Нобелевской премии по литературе. Сол Беллоу : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://noblit.ru/content/category/4/96/33/>
5. Мансон С. Сол Беллоу и его евреи : [Электронный ресурс] / С. Мансон. – Режим доступа : <http://booknik.ru/colonnade/othershore/?id=34301>
6. Эндель Мария. Не все сохраняет Бог : [Электронный ресурс] / Мария Эндель. – Режим доступа : <http://booknik.ru/reviews/fiction/?id=10276>
7. Эпстайн Д. Сол Беллоу : становление крупного писателя / Д. Эпстайн // Америка. – 1965. – № 110. – С. 20-21.

Рустемова Л.А., Рустемов О.Д.

УДК 821.512.145

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ КАК ТИП «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ».

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЭТА В АСПЕКТАХ

ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

Творческое наследие известного крымскотатарского ученого-филолога, самобытного поэта и политического деятеля Бекира Чобан-заде богато и разнообразно. Областью его научных исследований явились тюркские языки, их история, фонология и лексикология. Еще студентом Будапештского университета Чобан-заде увлекся изучением памятника «Codex Cumanicus», являющегося по многим параметрам эволюционной ступенью современного крымскотатарского языка. Результатом этих изысканий стала диссертация по проблемам артикуляции и сингармонизма в тюркских языках, представляющая научный интерес в языкознании.

Изучению художественного наследия Чобан-заде посвящено много работ. Особого внимания в этом плане заслуживает статья турецкого автора А. Батгал Таймаза, где речь идет об этапах творческого пути поэта, диалектных особенностях его лирики [10]. В пространной монографии Исмаила Отара представлена переписка Чобан-заде с его другом Хамди Атаманом, приведены образцы художественной прозы, дан структурный анализ лирических произведений крымскотатарского автора [11].

В отечественном литературоведении среди исследований последних лет наиболее значима работа Юнусова Ш. Ю. [8]. Попытка осмыслить вопросы литературной преемственности и дать анализ системы образов и знаковой символики поэзии Б. Чобан-заде предприняты в статьях Рустемовой Л.А. и Рустемова О.Д. [4,5].